

© 1999 г. М. И. ШАПЕР

К ТЕКСТОЛОГИИ "ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА" (орфография, поэтика и семантика)*

Широкомасштабная модернизация текста памятников художественной литературы, централизованно проводившаяся в нашей стране после орфографической реформы 1918 г., отнюдь не закончилась вместе со сменой идеологического режима. Голоса, предупреждавшие, что эти действия не безвредны и не могут пройти для русской культуры безнаказанно, раздавались за это время не раз. Однако многие филологи, в том числе высококвалифицированные, — кто по недомыслию, а кто выполняя социальный заказ — настаивали (и продолжают настаивать) на том, что ничего, кроме пользы, осовременивание памятников не принесет. "В числе возражений против новой орфографии, — писал Н. С. Державин в 1920 г., — нам приходилось слышать, между прочим, ссылку на то, что перепечатка по новой орфографии наших классиков неминуемо должна повлечь за собой порчу их языка" [Державин 1920: 15]. Опровержению этого "заблуждения" Державин посвятил статью. Разобрав одну за другой несколько орфограмм, он всякий раз приходил к выводу вроде того, что был сделан им по поводу правописания прилагательных мужского рода: "Сохраним ли мы, перепечатывая, пушкинский текст, его *ой*(,) или заменим это *ой* окончанием *ый*, язык пушкинский от этого не пострадает" [Державин 1920: 17].

Несостоятельность этого вывода, сохраняющего всю свою силу для редакторов нового академического собрания сочинений Пушкина (см. [Вацура и др. 1999: 566—567]), я надеюсь показать на ряде примеров, начав со знаменитой строки "Евгения Онегина", текстологическая недостоверность которой уже не раз становилась предметом обсуждения. В 1962 г. П. Н. Берков усомнился в правильности текста XVIII строфы 1-й главы, где Пушкин дает широкую панораму русского театра на рубеже столетий. По данным исследователя, до 1936 г. вторая строка этой строфы во всех без исключения изданиях печаталась: *Сатиры смелой властелин*. Начиная с 1936 г. она стала читаться по-другому: *Сатиры смелый властелин* (см. [Пушкин 1936а: 105; 1936б: 16; 1936в: 277; и др.])¹. С точки зрения смысла и образности второй вариант ученому показался неудачнее первого: «(...) эпитет „смелый“ ничего не добавляет к нашему пониманию (...) Возможно ли такое сочетание: „Робкий, трусливый, боязливый, несмелый властелин сатиры?“ Нет! Но „сатира смелая“ противопоставляется „сатире несмелой, робкой, боязливой, трусливой“» [Берков 1962: 63]².

Поскольку чтение, утвердившееся после 1935 г., не было аргументировано в печати, Берков попытался выяснить, на чем базировалось решение, изменившее тради-

* Работа подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 98-04-06164).

¹ П. Н. Берков не совсем точен: впервые транскрипция *смелый* была предложена еще в 1935 г. [Пушкин 1935б: 105].

² С точки зрения поэтической логики, эти доводы не работают: язык поэзии легко мирится с противоречивостью определяемого и определения (оксюморон) и допускает перенос признака с главного слова на зависимое и наоборот (эналлага).

ционный текст: «На вопрос, обращенный мной к одному из членов бывшей редакции академического собрания сочинений Пушкина, Д.Д. Благому, – не помнит ли он, как произошло замена стиха „Сатиры смелой властелин“ стихом „Сатиры смелый властелин“, мне было сообщено следующее: на заседании редакции Б.В. Томашевский указал, что Пушкин не различал форм на *ый* и *ой* и пользовался ими на равных правах, поэтому наличие в беловом тексте поэта стиха с формой *ый* было принято как окончательное доказательство того, что Пушкин читал спорный стих так: „Сатиры смелый властелин“» [Берков 1962: 61–62].

Не будучи вполне убежден в правильности такого решения, Берков предпринял самостоятельные разыскания. Они показали, что «1) в черновике окончание слова „смелый“ или „смелой“ неясно, но скорее всего „смелой“; 2) в каллиграфически написанной беловой отчетливо читается „смелый“; 3) в четырех прижизненных изданиях первой главы неизменно – „смелой“» [Берков 1962: 62]. При этом в списке ошибок, приложенном к отдельному изданию главы 6-й [Пушкин 1828, VI: 46–47], среди 14 исправлений, касающихся 1-й песни, замены *смелой* на *смелый* нет. Следовательно, резюмировал Берков, в беловике либо описка, либо вариант, который Пушкин отверг сам или авторизовал поправку П.А. Плетнева. В любом случае это «явное нарушение (...) требований текстологии: принимать за основу надо прижизненные издания, конечно, сверяя их с рукописями, но делая исправления (...) только при явной порче текста в печати» [Берков 1962: 62].

Ученый не подверг сомнению ни одного из тезисов Томашевского, но счел их недостаточным основанием для замены, произведенной в тексте «Онегина» в 1935–1936 гг. Поэтому в своих суждениях Берков далек от категоричности: «(...) моя задача заключается не в том, чтобы раз и навсегда решить этот вопрос, а в том, чтобы привлечь к нему внимание» [Берков 1962: 63]. Но хотя этот вопрос был поднят около 40 лет назад, в поисках ответа на него наука с тех пор не продвинулась ни на шаг. В 1989 г. к анализу прилагательных муж. рода, оканчивающихся на безударное *-ой*, обратилась Н.М. Сергеева, выводы которой, в сущности, лишь повторяют Беркова: «(...) пушкинское написание *смелой* допускает иное определение формы – род. п. жен. рода, т. е. согласованное определение к существительному *сатиры*. Властелину немудрено быть смелым» [Сергеева 1989: 85]. И уже совсем недавно о проблеме снова напомнил В. Лефельдт, в словах которого слышны все те же осторожные и неопределенные сомнения: «(...) кто может исключить, что (прилагательное) *смѣлой* не является определением к существительному ж. р. в род. п. *сатиры*? *Смелость властелина*, собственно говоря, не нуждается в специальном подчеркивании» [Лефельдт 1998: 170].

«Текстологическое недоразумение», связанное с этой строкой, А.Л. Гришунин назвал «практически неразрешимым» [Гришунин 1998: 342]. Мне кажется, однако, что на вопрос, «как же надо (...) понимать и печатать этот стих» Пушкина [Берков 1962: 63], можно ответить намного более уверенно (если, конечно, не строить свой ответ с опорой на одну лишь семантику). В умозаключениях Томашевского есть изъян, укрывшийся от внимания коллег. Насколько можно судить по двойному пересказу, ход его мысли был такой: форма *смѣлой* в прижизненных изданиях ровным счетом ни о чем не говорит, так как в им. и вин. пад. оба варианта безударного окончания прилагательных муж. рода ед. ч. Пушкин употреблял без разбору. В этой связи форму *смѣлый* в беловом автографе нельзя расценить иначе, как безусловное свидетельство того, какой именно род и падеж автор держал в уме.

На самом деле всё не так просто. Я не буду вдаваться в рассуждения о том, насколько орфографию поэта позволительно считать изученной³. Но как бы то ни бы-

³ Е.Ф. Будде, специально занимавшийся правописанием пушкинских прилагательных, был вынужден ограничиваться немногими снимками рукописей и сетовал на отсутствие лингвистически надежных пе-

ло, ссылка на пушкинские навыки написания прилагательных здесь не совсем уместна: хорошо известно, что орфография его прижизненных изданий была своего рода компромиссом между правописанием самого поэта, его издателя и корректора (см., например, [Вацуро и др. 1994: 566]). Поэтому, даже если Пушкин действительно был абсолютно безразличен к употреблению разных орфографических вариантов — что, видимо, не соответствует истине (ср. [Будде 1904: 22–29; Чернышев 1906: 29–31; Сергеева 1989: 82 и др.; Лефельдт 1998: 168–169]), — это не значит, что дублетные окончания в прижизненных изданиях "Онегина" использовались совершенно произвольно.

Напротив, в написании безударных флексий у прилагательных муж. рода прослеживается отчетливая закономерность. Гипотетически ее можно реконструировать на основании текста одной только XVIII строфы:

Волшебный край! Тамъ въ стары годы,
Сатиры смѣлой властелинъ,
Блисталъ Фонвизинъ, другъ свободы,
И переимчивый Княжнинъ;
Тамъ Озеровъ невольны дани
Народныхъ слезъ, рукоплесканій
Съ молодой Семеновой дѣлили;
Тамъ нашъ Катенинъ воскресилъ
Корнеля геній величавой;
Тамъ вывелъ колкій Шаховской
Своихъ комедій шумный рой;
Тамъ и Дидло вѣнчался славой:
Тамъ, тамъ, подъ сенію кулисъ,
Младые дни мои неслись.

[Пушкин 1833: 11]⁴

Нетрудно заметить, что внутри строки прилагательные муж. рода ед. ч. в им. и вин. пад. имеют безударное окончание *-ый* (*волшебный, переимчивый, шумный*), и только в рифме — ради ее графической точности — появляется вариант *-ой* (*величавой: сла-вой*)⁵. От того, насколько последовательно эта орфографическая система реализована в прижизненных изданиях романа, зависит, в какой мере форму *смелой* мы имеем право интерпретировать как определение к слову *властелинъ*.

За основу дефинитивного текста принято брать последнее издание, подготовленное при участии автора, — в нашем случае это "Евгений Онегин" 1837 г.⁶ Здесь из

чатных источников: "(...) и 2-ое издание 1-го тома (собрания сочинений Пушкина. — М. Ш.) не исправлено Академией Наукъ въ смыслѣ соблюденія орфографіи поэта, значить, опять лингвистическіе интересы забыты... Пора бы намъ имѣть по каждому автору хоть одно *ученое* въ полномъ смыслѣ слова изданіе, подобно изданію соч. Ломоносова въ редакціи М. И. Сухомлинова. Такое изданіе обязательно хоть для тѣхъ случаевъ, когда рукописи писателя сохранились въ подлинномъ видѣ" [Будде 1904: 22–23 примеч. 1]. Замечу, что и спустя сто лет Ломоносов по-прежнему остается единственным русским классиком, два издания сочинений которого могут называться академическими, и то с некоторыми оговорками.

⁴ В отношении интересующей нас орфограммы все прижизненные публикации этой строфы выглядят точно так же.

⁵ Ср. сходные наблюдения В. И. Чернышева [Чернышев 1906: 30–31], Р. Кошутича [Кошутин 1919: 266–271], М. Н. Сергеевой [Сергеева 1989: 86], В. Лефельдта [Лефельдт 1998: 167] и др.

⁶ В "Кратком обзоре издательской деятельности Глазуновых" утверждается, что эта книга была исполнена "такъ тщательно (...) какъ не издавались ни прежде, ни послѣ того сочиненія Пушкина. Корректурныхъ ошибокъ не осталось ни одной; послѣднюю корректуру самымъ тщательнымъ образомъ просматривалъ самъ Пушкинъ" [Обзор 1882: 69; Смирнов-Сокольский 1962: 390 и далее]. Правды ради надо сказать, что в "Онегине" 1837 г. есть довольно много опечаток (включая смысловые), причем часть их перекочевала сюда из второго и даже из первого издания: *Не такъ ли я въ былые годы // Провелъ въ бездѣйствиі, въ тиши* (вместо *въ тѣни*) // *Мои счастливейшіе дни?*, *Татьяна вѣрила преданьямъ // Простонародной старинѣ* (вместо *старины*) и др. [Пушкин 1837: 36, 142] (ср. [Пушкин 1825: 45; 1833: 34, 134]; а также [Винокур 1927: 51]).

Отъ сѣдѣхъ — слова нѣдѣхъ
 ихъ ухъ вѣдѣхъ. Угрюмой
 Неловкій, въ отъ отъ
 въ отъ отъ. Неловкій
 въ отъ отъ ^{угрюмой} думой —

Рис. 1. Беловой автограф XXII строфы 8-й главы (строки 8—12)

общего числа рассматриваемых форм надо исключить прилагательные с основой на заднеязычный, в которых окончание *-ой* могло обозначать твердость предшествующего согласного: *Ленской* (3, II, 8; XXXVI, 11; 5, XX, 10; 7, VI, 11; X, 1; XI, 1), *Руской* (2, XXXIII, 6), *всякой* (4, XVI, 13; XXIX, 10), *тихой* (4, XLVI, 13), *двурогой* (5, V, 13), *барской* (7, XVII, 1)⁷. За вычетом этих форм, в тексте 1837 г. я нашел 427 нерифмованных прилагательных, причастий и местоимений муж. рода с основой на твердый согласный и безударной флексией в им. и вин. пад. ед. ч. Подавляющее большинство этих форм, а именно 423, имеет окончание *-ый*, и лишь 4 — окончание *-ой* (трижды в основном тексте романа и один раз в "Отрывках из Путешествия Онегина"): *Снѣгъ рыхлой по колено ей* (5, XIV, 2); *Увязнетъ мокрой башмачокъ* (5, XIV, 7); *Къ рѣкѣ сквозь липовой лѣсокъ* (7, VI, 4); *Зачѣмъ не хилой я старикъ* (Пут., [V], 7).

Большая законность форм муж. рода на *-ый* с очевидностью явствует из строк, где сталкиваются два однородных прилагательных, из которых одно рифмуется со словами жен. рода на *-ой* (ср. [Чернышев 1906: 31]): *«... Дѣв ножки!... Грустный, охладѣлой, // Я все ихъ помню (...)* (1, XXX, 12 сл.; рифма: *въ Россіи цѣлой*); *Тутъ остоѣ чопорный и гордой* (5, XVI, 12; рифма: *мордой*); *Отшельникъ праздный и унылой* (7, V, 9; рифма: *мечтательницы милой*); *«... Высокопарный,» но голодной // Для виду прейскурантъ виситъ (...)* (7, XXXIV, 6 сл.; рифма: *въ избѣ холодной*); *Стоитъ безмолвный и туманной* (8, VII, 6; рифма: *въ толпѣ избранной*); *«... Изъ устъ Онѣгина. Угрюмой, // Неловкій, онъ едва, едва (...)* (8, XXII, 9–10; рифма: *думой*)⁸; *«... И путешественникъ залѣтной, // Перекрахмаленный нахаль (...)* (8, XXVI, 9–10; рифма: *осанкою заботной*)⁹. Противоположные случаи, когда в середине стиха писалось бы *-ой*, а в рифме *-ый*, в "Евгении Онегине" отсутствуют.

Если безударное *-ый* у прилагательных муж. рода выступает как нейтральная норма, то окончание *-ой* почти всегда обусловлено версификационной техникой. Это хорошо видно на примере выражения *добрый (ученый или честный) малый*. В паре с прилагательным жен. рода (*отъ моды обветшало*) оно оканчивается на *-ой*: *Иль прос-*

⁷ О том, что эти формы допускали мягкое или полумягкое произнесение последнего согласного основы, косвенно свидетельствуют рифмы типа *клики : великій* (5, XXXIII, 9: 12; ср. [Кошутин 1919: 84]). Особый статус прилагательных с основой на заднеязычный нашел отражение в академическом собрании 1937–1949 гг.: в нем после букв *г, к, х* (и только после них) сохранялось написание *-ой* (см. [Пушкин 1937, I: XII]).

⁸ В. П. Старк поправляет Набокова: «У Пушкина — „угрюмый“. Набоков же дает в этом слове окончание „-ой“ — „угрюмой“ („ugruimou“), транслитерируя произносительную форму в рифму со словом „думой“» [Старк 1998: 698 примеч. 27]. Напрасно научный редактор набоковского комментария фетишизирует орфографию академического собрания: у Пушкина — именно *угрюмой*, причем не только в прижизненных изданиях, но и в автографе [ИРЛИ, ф. 244 (А. С. Пушкин), оп. 1, ед. хр. 937, л. 10 об.; см. рис. 1].

⁹ Ср. также: *И блѣдный цѣтъ, и видъ унылой* (4, XI, 6; рифма: *Татьяны милой*).

то будетъ добрый малой <...> (8, VIII, 9). Во всех остальных случаях, т. е. там, где нет давления рифмы, слово *малый* в им. пад. имеет окончание *-ый*: *Ученый малый, но педантъ* (1, V, 7); *Отецъ ея былъ добрый малый* (2, XXIX, 5; рифма: *запоздалый*); *Но ужъ конечно малый честный* (6, XXVII, 6; рифма: *неизвестный*); *Зарѣцкій нашъ и честный малый* (6, XXVII, 12; рифма: *пожалуй*). Любопытно, что в первой публикации 1828 г. последний стих имел окончание *-ой*, по всей видимости, вызванное лабиализованным *у* в рифме, но поскольку приблизительный характер созвучия с помощью орфографической уловки не устранился, в издании 1833 г. *-ой* было исправлено на *-ый*¹⁰.

Этот и другие случаи правки позволяют мне утверждать, что отысканные в тексте 1837 г. четыре нерифмующихся формы на *-ой* у прилагательных, основа которых не оканчивается на заднеязычный, остались там по недосмотру: от издания к изданию аномальные формы, не санкционированные рифмой, последовательно изгонялись. Относительно часто они попадают только во фрагментах, опубликованных в 1828 г. на страницах "Московского Вестника" (см. [Пушкин 1828а: 7, 9; 1828б: 149]): *каждой день* (7, XLIV, 2); *старой образецъ* (7, XLV, 2); *безсвязной, пошлой вздоръ* (7, XLVIII, 4); *томной умъ* (7, XLVIII, 11); *благосклонной взоръ* (4, XXIX, 11)¹¹. В поглавном издании "Онегина" [Пушкин 1825–1832] немотивированных форм на *-ой* совсем немного, хотя и впятеро больше, чем в окончательном тексте 1837 г. (в квадратных скобки берутся отвергнутые орфографические варианты): *Какъ въ лѣсъ [зеленой] зеленый изъ тюрьмы* (1, XLVII, 11); *Въ [единой] единый образъ облеклись* (3, IX, 13); *Ужъ [душистой] душистый чай бѣжалъ* (3, XXXVII, 7); *За нею [милой] Ленской, свѣтъ блеснулъ* (5, XX, 10)¹²; *Вступили въ [важной] важный договоръ* (6, XXVII, 13); *Нашелъ [безвременной] безвременный конецъ* (6, XXXI, 11); *Пускается въ [обратной] обратный путь* (7, XX, 11); *[Четвертой] Четвертый годъ больной въ чахоткѣ* (7, XL, 6); *Все въ нихъ на [старой] старый образецъ* (7, XLV, 2); *Все тотъ же [тюлевой] тюлевый чепецъ* (7, XLV, 4); *Невѣсть [обширной] обширный полукругъ* (7, LI, 7); *Успѣхъ насъ [первой] первый окрылилъ* (8, II, 2); *Мой [безтолковой] безтолковый ученикъ* (8, XXXVIII, 8). Почти все эти исправления – 12 из 13 – были сделаны уже в тексте 1833 г., и только одно (1, XLVII, 11) появилось в 1837 г. В то же время обратные изменения – с *-ый* на *-ой* – производились, как будет показано ниже, единственно ради рифмы.

Всё сказанное укрепляет меня в мысли, что форма *смѣлой* в XVIII строфе 1 главы "Евгения Онегина" не может квалифицироваться иначе, как род. пад. жен. рода: во всех прижизненных изданиях романа в стихах Фонвизин недвусмысленно назван "властелином смелой сатиры", и разумеется, ровно так понимали это место современники¹³. Грамматическое значение флексии *-ой* в словах о Фонвизине ничем не отличается от значения той же флексии в другом стихе: *Печаленъ страсти мертвой*

¹⁰ Приблизительными называются рифмы с графическим несовпадением заударных гласных, независимо от их фонетического тождества или различия (см. [Гаспаров 1984: 8 примеч. 9]).

¹¹ Эта орфография осталась без изменений при перепечатке отрывка "Москва" [Пушкин 1828а] в "Северной Пчеле": "Сей отрывокъ напечатанъ былъ въ одномъ Журналѣ съ непростительными ошибками. По желанію почтеннаго Автора, помѣщаемъ оный съ поправками въ Сѣв. Пч." [Пушкин 1828в: 3 примеч. *]. Ср. также *тяжелой сон* в первой публикации письма Татьяны [Пушкин 1827а: 224].

¹² Степень нежелательности форм типа *Ленской* и типа *милой* была неодинаковой. У прилагательных с основой на заднеязычный безударное окончание *-ий* тоже было предпочтительнее, нежели безударное *-ой*: в тексте 1837 г. второе встречается почти в 9 раз реже первого. Четыре формы именительного падежа на *-кой* – *Ленской* (3, IV, 6), *звонкой* (3, LX, 2), *конской* (5, XVII, 8), *свѣтской* (8, VI, 2) – были выправлены в издании 1833 г. Вместе с тем нельзя забывать о том, что после *г, к, х* флексия *-ой* допускалась в 12,5 раз чаще, чем после прочих согласных.

¹³ Его отзыв есть у Вяземского в "Нарвском водопаде" (лето 1825), вторая строка которого ритмически, лексически и синтаксически очень близка к пушкинской: *Несишь с неукротимым гневом, // Мятесной <вариант: Сердитой> лаги властелин!* Я не могу вообразить, чтобы Вяземский, незадолго перед тем прочитавший 1-ю главу "Онегина", не запомнил оттуда характеристику Фонвизина, замысел биографии которого он в эти годы уже начал претворять в жизнь (см. [Пушкин 1926: 118, 154, 405, 492]).

слѣдъ. Форма *мертвой*, правильно напечатанная в академическом издании 1937 г., неверно интерпретируется в "Словаре языка Пушкина" как им. пад. муж. рода [СП, II: 565]: имеется в виду не "мертвый след", а "след мертвой страсти" [Сергеева 1989: 85]. Вероятность того, что *смѣлой* – это еще один, пятый случай недовыправленного именительного на -ой, пренебрежимо мала – 0,009 (напомню, что этих форм – 4 из 427). Больше того, из-за своей синтаксической амбивалентности анализируемая строка, мне кажется, была бы подвергнута орфографической унификации в самую первую очередь.

Знаменательно, что XVIII строфа 1-й песни "Евгения Онегина" – это не единственное место, смысл которого был искажен при модернизации окончаний прилагательных муж. рода. Аналогичное искажение затронуло XI строфу 7-й главы, где обнаруживается, кстати, одно из так называемых "противоречий", присущих пушкинскому роману. Сначала кажется, что речь идет о забвении-забытии, в которое человеческая душа впадает за гробом, но в последних двух с половиною строках этой строфы умерший из субъекта забвения превращается в объект, о котором помнят лишь недовольные наследники. Эта "подмена понятий" становится незаметной, из-за того что большой отрезок текста – с 9-й строки по середину 12-й – можно семантически развернуть как в ту, так и в другую сторону:

Мой бѣдный Ленской! за могилой
Въ предѣлахъ вѣчности глухой
Смутился ли, пѣвецъ унылой,
Измѣны вѣстью роковой,
Или надъ Летою усыпленной
Поэтъ, безчувствіемъ блаженной,
Ужъ не смущается ничѣмъ,
И міръ ему закрыть и нѣмъ?...
Такъ! равнодушное забвенье
За гробомъ ожидаетъ насъ.
Враговъ, друзей, любовницъ гласъ
Вдругъ молкнетъ. Про одно имѣнье
Наслѣдниковъ сердитый хоръ
Заводитъ непристойный споръ.

[Пушкин 1830: 14–15]

Одновременная актуализация обоих значений слова *забвенье* не нашла своего отражения в "Словаре языка Пушкина" (ср. [СП, II: 14]).

К какому существительному относится причастие *усыпленной* в 5-й строке процитированной строфы? По мнению редакторов академического издания, это эпитет к слову *поэт*: (...) *Или над Летою усыпленный // Поэт, безчувствием блаженный, // Уж не смущается ничем* (...) (Пушкин 1937, 6: 143)¹⁴. О соображениях, которыми руководствовались текстологи, мы не знаем, но можем предположить: Лету усыпить нельзя, а поэта – можно. Не приписывая никому этого силлогизма, я рискну, однако, настаивать на его уязвимости. Поэт не был усыплен "над Летою", и следовательно, в данном контексте форма *усыпленной*, как ее ни понимай, выступает в переносном значении. Именно так ее толкует "Словарь языка Пушкина", хотя и определяет ее вслед за редакторами юбилейного шестнадцатитомника как им. пад. муж. рода: *усыпленный* тут значит "пребывающий в состоянии тишины, покоя" [СП, IV: 753] и, я бы добавил, сна.

Но тихим, спокойным, сонным может быть не только поэт, но и Лета, к которой, без сомнения, относился эпитет в исходном варианте этой строки: *Или за Летою ту-*

¹⁴ Беловая рукопись не сохранилась, черновик читается неразборчиво (ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, ед. хр. 838, л. 5 об.; см. рис. 2). Впервые чтение *усыпленный: блаженный* зафиксировано в издании под редакцией Г. О. Винокура [Пушкин 1935а: 178] и впоследствии не пересматривалось.

Мел' Подвиги свои — усиле
 Не предвещает, и морь ~~успех~~
 Успехом — ~~успехом~~ ~~успехом~~ ~~успехом~~
~~Успехом~~ ~~успехом~~ ~~успехом~~ ~~успехом~~
~~Успехом~~ ~~успехом~~ ~~успехом~~ ~~успехом~~
~~Успехом~~ ~~успехом~~ ~~успехом~~ ~~успехом~~
~~Успехом~~ ~~успехом~~ ~~успехом~~ ~~успехом~~

Рис. 2. Черновой автограф XI строфы 7-й главы (строки 1—7)

манной (см. рис. 2). В "Руслане и Людмиле" (III, 215–216) "усыпленной" оказывается земля (*Уж побледнел закат румяный // Над усыпленною землей* (...)), в стихотворении "Прозерпина" (1824) – берега Леты:

(...) Мчатся, облаком одеты;
 Видят вечные луга,
 Элизей и томной Леты
 Усыпленные берега.

До образа "усыпленной Леты" отсюда уже подать рукой¹⁵.

Итак, Пушкин вполне мог назвать реку забвения *усыпленной*, как назвал ее поначалу *туманной*. Остается убедиться в том, что и в окончательном тексте эпитет характеризует Лету, а не поэта. Для этого надо рассмотреть все рифмы, в образовании которых участвуют прилагательные и причастия с безударными флексиями *-ой/-ый* (слова с основой на заднеязычный в расчет не принимаются). Если зарифмованы формы муж. и жен. рода, как правило, оба слова имеют окончание *-ой*: *геній величавой*: *славой* (1, XVIII, 9: 12); *на сценѣ скучной*: *зритель равнодушной* (1, XIX, 9: 12); *пирогъ пересолоной*: *въ бутылкѣ засмоленной* (5, XXXII, 5: 6) и т. п. Таких случаев в издании 1837 г. в общей сложности 52. Значительно реже – 12 раз – в паре с окончанием жен. рода прилагательное или причастие муж. рода сохраняет окончание *-ый*: *мудрецъ пустынный*: *барщины старинной* (2, IV, 5: 6); *подъ сѣнію смиренной*: *какъ ландышъ потаенный* (2, XXI, 9: 12); *Гильо смущенный*: *с точностью отменной* (6, XXIX, 9: 12) и проч. (ср. [Кошутин 1919: 269])¹⁶. Судя по всему, приблизительных рифм на *-ый*: *-ой* Пушкин всё-таки старался избегать. В журнальных публикациях фрагментов и в поглавном издании "Онегина" их было больше, но пять таких созвучий

¹⁵ Образ этот – собственно пушкинский. Ср. один из ближайших источников "Прозерпины", стихотворение Жуковского "Элизиум" (1812). Заимствуя из него целый блок, Пушкин переменяет эпитет: *Видит мирные луга*; // *Видит Летою кропимы* // *Очарованны берега* [Вацура, Мильчина 1989: 623; Pilshchikov 1994: 87 п. 30].

¹⁶ Из 12 таких пар четыре приходится на долю 2-й главы – единственной, которая была выпущена не в Петербурге под наблюдением П. А. Плетнева, а в Москве при участии С. А. Соболевского. Ср. варианты одной и той же рифмы из главы 2-й (X, 1: 3) в "Северных Цветах" и в отдельном издании 1826 г.: *послушной*: *просто-душной* [Пушкин 1825а: 281] и *послушнѣй*: *простоудушнѣй* [Пушкин 1826: 15].

(2, XI, 5 : 6; 7, XXXIV, 5 : 6; XXXVII, 5 : 6; XLIX, 5 : 6; Пут., [XV], 5 : 6) при подготовке издания 1833 г. были уточнены. Вряд ли случайно, что все пять отредактированных рифм – парные (графическое несходство в соседних клаузулах особенно заметно):

⟨...⟩ Бѣжалъ онъ ихъ бѣсѣды шумной;
Ихъ разговоръ благоразумный ⟨...⟩

[Пушкин 1826: 16]

⟨...⟩ Трактировъ нѣтъ. В избѣ холодной
Высокопарный, но голодный ⟨...⟩

⟨...⟩ Послѣднимъ счастьемъ упоенный,
Москвы колѣнопреклоненной ⟨...⟩

Одинъ, какой-то шутъ печальный
Ее находить идеальной ⟨...⟩

[Пушкин 1828а: 6; 1830: 35, 37, 47]¹⁷

Потомъ за трубкой раскаленной,
Волной соленой оживленный⟨...⟩

[Пушкин 1827б: 115]¹⁸

Трижды прилагательное муж. рода образует рифму с наречием на -о, и каждый раз Пушкин выбирает орфографический вариант, скрадывающий неточность рифмы: *читатель благородной* : *удовно* (4, XX, 1 : 3); *напрасно* : *цвѣтъ прекрасной* (6, XXXIV, 9 : 12); *взглядъ холодной* : *благородно* (8, XLIII, 9 : 12) – поэт явно остерегался сочетать йотированную рифму с несовпадением заударных гласных. Это подтверждается шестью йотированными рифмами на -ы(й). В сочетаниях с род. пад. существительного жен. рода – *унылый* : *силы* (6, XVII, 1 : 3), с женским патронимом в род. пад. – *Николавы* : *исправный* (7, XLV, 9 : 12), а также со множественным числом существительного или причастия в предикативной функции – *волны* : *полный* (1, XLIX, 1 : 3), *несносный* : *сосны* (5, XIII, 5 : 6), *раскрыты* : *знаменитый* (5, XXXV, 9 : 12), *пистолеты* : *раздетый* (6, XX, 1 : 3) – все прилагательные муж. рода оформляются в соответствии с книжной нормой. Наконец, когда оба рифмующих слова стоят в муж. роде, они имеют окончание -ый: *лукавый* : *величавый* (1, XII, 9 : 12), *окровавленный* : *нетлѣнный* (1, XVI, 9 : 12), *дорожный* : *осторожный* (4, XLI, 5 : 6) и т. д. – всего 34 случая. Ни разу два мужских прилагательных не образуют приближительной рифмы на -ой : -ый, как это происходит в "Полтаве": *герой безумный* : *приступъ шумной* [Пушкин 1829а: 83; Чернышев 1906: 31]¹⁹. И только единственный раз

¹⁷ В републикации "Северной Пчелы" – *печальной* : *идеальной* [Пушкин 1828в: 4].

¹⁸ Еще одна женская рифма на -ой : -ый, отсутствовавшая в первом издании и по недоразумению появившаяся во втором, была выправлена в третьем (2, XI, 5 : 6):

⟨...⟩ Бѣжалъ онъ ихъ бесѣды шумной.
Ихъ разговоръ благоразумный ⟨...⟩

[Пушкин 1833: 46]

¹⁹ В "Онегине" 1833 г., вероятно по оплошности набора, подобная рифма появилась (5, XLIV, 1 : 3), но в тексте 1837 г. она была устранена и восстановлено чтение первого издания (*задорный* : *проворный*). Ср.:

Буяновъ, братецъ мой задорный,
Къ герою нашему подвѣлъ
Татьяну съ Ольгою: проворной
Онѣгинъ съ Одьгой (sic!) пошелъ ⟨...⟩

[Пушкин 1833: 46] (ср. [Пушкин 1828, IV/V: 91; 1837: 168])

(7, VII, 9 : 12) – надо думать, по чистой случайности – оба рифмующих прилагательных муж. рода оканчиваются на *-ой*:

Но нынѣ... памятникъ **унылой**
Забыть. Къ нему привычный слѣдъ
Заглохъ. Вѣнка на вѣтви нѣтъ;
Одинъ, надъ нимъ (sic!), сѣдой и **хилой**
Пастухъ по-прежнему поетъ
И обувь бѣдную плететъ.

[Пушкин 1837: 208]²⁰

За исключением пары *унылой* : *хилой* – одной на 108 рифм – безударное *-ой* у прилагательных и причастий муж. рода в им. пад. ед. ч. появляется только там, где второй компонент рифмы составляют формы жен. рода на *-ой* или наречия на *-о*. Отсюда вытекает, что если прилагательное *блаженной (поэтъ)* – *masculinum*, то рифмующееся с ним причастие *усыпленной* – *femininum* (*над усыпленной Летой*). Как и в случае со смелой сатирой, вероятность ошибки не превышает 0,009 (но, учитывая историю текста и семантику причастия, ее можно приравнять к нулю).

Я полагаю доказанным, что в текст "Евгения Онегина", печатаемый по новой орфографии, необходимо внести два исправления: в XVIII строфу 1-й главы и в XI строфу главы 7-й. Тем же, кому вероятность в 0,009 покажется достаточной для того, чтобы не до конца поверить в обоснованность предложенных выше исправлений, я могу напомнить, что устраняемые ими искажения пушкинского текста возникли из-за того, что редакторы взяли на себя смелость модернизировать произведения Пушкина. При переводе текста на новую орфографию филологам приходилось добиваться однозначности, всякий раз устанавливая, что перед ними: прилагательное мужского рода или женского (*-ой*), единственного числа или множественного (*-ья*) и т. д. Риск, сопряженный с уничтожением омоформ, не остался сугубо теоретическим: список текстологических промахов выявленными ошибками не исчерпывается²¹.

Следует также учесть, что модернизация орфографии помимо семантики затрагивает поэтику: в частности, замена окончания *-ой* на *-ый* приводит к резкому увеличению количества приблизительных рифм. Согласно тексту последнего прижизненного издания, в 1-й главе "Евгения Онегина" всего две приблизительных рифмы: *увѣренъ* : (*Каверинъ*) (XVI, 5 : 6), *не можетъ* : *тревожитъ* (1, XLVI, 1 : 3), – тогда как, если поверить 6-му тому академического Пушкина, их окажется в шесть раз больше (ср. [Чернышев 1941: 439; Сергеева 1989: 86]). Редакторы 16-томного собрания сочинений, признавая, что "принципу глазной рифмы принадлежало в печатных изданиях пушкинского времени очень большое значение" [Винокур 1941: 478] (ср. [Винокур 1927: 87]), пытались, однако, отвести этот довод с помощью таких возражений: "Есть писатели, которые строго следовали этому принципу" – к ним Г.О. Винокур относил Баратынского. "Но Пушкину стремление к глазной рифме всегда было чуждо", и «рукописи его не оставляют в этом (...) никакого сомнения. Так, например, в чистовой рукописи „Бахчисарайского Фонтана“ (...) читаем:

Симптоматична опечатка в 4-м стихе, исправленная одновременно с рифмой. Чтение *проворной* в тексте 1833 г. появилось, видимо, вследствие неудачной попытки учесть поправку Пушкина, указанную в списке опечаток: *проворно* вместо *проворный* [Пушкин 1828, VI: 48].

²⁰ Ср. также две из 14 рифм, образованных при участии прилагательных муж. рода в им. пад. с основой на заднеязычный: *пить армейской* : *стишокъ злодѣйской* (4, XXIX, 5 : 6); *критикъ строгой* : *вѣнокъ убогой* (4, XXXII, 1 : 3).

²¹ Например, А. К. Панфилов [Панфилов 1995] был уверен, что неправильно печатаются два стиха из "Кавказского пленника": *Делил души младые* (вместо *младья*) *впечатленья* (Посвящение, 23); *Преданья темные* (вместо *темныя*) *молвы* (Эпilog, 62).

и т. д. (...) Пушкин даже прямо формулировал свое отрицательное отношение к (господствовавшему во французской поэзии. — М. III.) принципу глазной рифмы. В статье о стихотворениях (...) Сент-Бёва (1831) Пушкин писал: „Как можно вечно рифмовать для глаз, а не для слуха? Почему рифмы должны согласовываться в числе (единственном или множественном), когда произношение и в том и другом случае одинаково?“ (...) Нужно ли доказывать, что такое отношение Пушкина <...> было глубоко прогрессивно <...>? Неужели же юбилейное издание <...> только в том случае правильно выполнило бы свой долг перед наукой <...> если бы оно стало превращать Пушкина в дюжинного представителя своей эпохи <...>?» [Винокур 1941: 478] (ср. [Державин 1920: 18–19]).

К сожалению, в этих словах Винокура меньше доказательств, чем риторики, ради которой замечательный ученый даже Баратынского готов зачислить в "дюжинные представители эпохи". Искусственно приближать версификацию Пушкина к среднестатистическому стандарту не лучше, чем делать из него революционера в области стихосложения. Поэт не подкреплял теорию практикой; он не был в своих рифмах столь смелым новатором, как это казалось Винокуру (ср. [Брюсов 1929, 210 и др.]). Из всех видов приблизительных созвучий Пушкин сколько-нибудь часто обращался лишь к тем, которые благодаря наличию орфографических дублетов с легкостью превращаются в точные. Почему, если автору "Евгения Онегина" было достаточно совпадения звуков, он тем не менее рифмовал *няни*: *въ бани* (5, X, 1:3), *слова*: *младова* (7, LV, 5:6) и т. п. (ср. [Рак 1996, 317 и др.]), хотя в середине строки, по большей части, придерживался орфографической нормы:

Но я плоды моихъ мечтаній
И гармоническихъ затѣй
Читаю только старой няни,
Подругѣ юности моей (...)

[Пушкин 1828, IV/V: 36; 1833: 120]²²

Поздний Баратынский, категорически избегавший несовпадения заударных гласных [Гаспаров 1984: 20], непременно выравнивал рифму с помощью орфографических дублетов; Пушкин, который изредка позволял себе приблизительные рифмы, не всегда был аккуратен в написании окончаний рифмующихся прилагательных. И всё же по количеству рифм с несовпадающими заударными гласными — типа *волнение*: *позволения* (7, XX, 9:12), *похожий*: *прихожей* (8, XL, 5:6), *рано*: *романа* (8, LI, 9:12) и т. п. — Пушкин всецело остается поэтом первой трети XIX в. (ср. [Гаспаров 1984, 20]). Поэтому рифмы на *-ой*: *-ый* в "Евгении Онегине", также как в поздней лирике Пушкина (см. [Сидяков 1997, 15–17]), не только не поощряются, но и подвергаются орфографической правке. Кому бы эта правка ни принадлежала, мы можем по ее поводу повторить слова, сказанные В.И. Чернышевым об орфографии поэта в целом: "<...> Пушкинъ слѣдилъ за текстомъ отпечатанныхъ друзьями сочиненій, провѣрялъ его, указывалъ ошибки, а нѣкоторыя произведѣнія корректировалъ самъ. Затѣмъ, онъ не дѣлалъ замѣчаній противъ орфографіи своихъ печатныхъ текстовъ. Значить, онъ ей удовлетворялся, и мы имѣемъ право относить орфографію книгъ самому автору" [Чернышев 1906: 23] (ср. [Лотман 1987: 92–94])²³.

²² Так в рукописи (ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, ед. хр. 835, л. 76; ед. хр. 935, л. 20 об.) и в двух первых изданиях. В "Онегине" 1837 г. окончания выровнены, но так, чтобы не нарушить рифмы: *няни*, *подруги* [Пушкин 1837: 127]. Ср. в "Бахчисарайском фонтане": (...) *Или подругѣ благосклонной* (...) [Пушкин 1824: 7].

²³ По этой причине я не могу согласиться с тем, что "авторские написания (...) должны быть восстановлены во всех случаях" [Сергеева 1989: 87]. Текстологические принципы не могут быть едиными для произ-

Результаты исследования опровергают мнение, будто "-ый и -ой <...> чередуются у Пушкина без всякой системы" [Винокур 1941: 476]. Неверно, что в данном отношении, якобы как и во всех прочих, "юбилейное издание предпочитает пушкинский разноречивый орфографический разноречивый его издателей и корректоров" [Винокур 1941: 477]. Напротив, более или менее последовательная орфографическая система Пушкина, его издателей и корректоров в академическом собрании сочинений была подменена редакторским разноречивым, а по совести сказать, произволом. Этот произвол, как и следовало ожидать, обернулся порчей пушкинского текста и деформацией пушкинского стиха: орфография оказалась слишком тесно связанной с поэтикой и семантикой.

Мы видим, сколько требуется усилий, чтобы исправить пару текстологических ошибок — а ведь за долгие годы таких ошибок накопилось великое множество. Мне уже случалось указывать на невозможность по поводу чуть ли не каждого слова проводить специальную проверку, призванную отделить в орфографии значимые элементы от незначимых, — да и кто сможет гарантировать правильность полученных выводов [Шапир 1994]? Поэтому, чтобы сократить до минимума процент текстологического брака, в изданиях академического типа орфографию и пунктуацию оригинала нужно сохранять в неприкосновенности — везде, и тем более там, где допустимо двоякое истолкование. Это правило представляется неоспоримым. Однако в массе своей текстологи проявляют безучастность к любым аргументам, независимо от их убедительности и доказательности. По этой причине искажения классических текстов живут долгие десятилетия и тиражируются миллионами экземпляров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Берков П. Н. 1962 — "Смелый властелин" или "смелая сатира"? (К текстологии строфы XVIII главы первой "Евгения Онегина") // Рус. лит. 1962. № 1.
- Брюсов В. 1929 — Записка о правописании в издании сочинений А. С. Пушкина [1919] // Брюсов В. Мой Пушкин: Ст., исслед., наблюдения. М.; Л., 1929.
- Будде Е. Ф. 1904 — Опыт грамматики языка А. С. Пушкина. Ч. I: Этимология. Отд. I: Словоизменение. Вып. II: Имя прилагательное; Имя числительное; Местоимение: (Склонение этих частей речи) // Сб. ОРЯС Имп. АН. 1904. Т. LXXVII. № 5.
- Вацура В. Э., Мильчина В. А. 1989 — Комментарии // Французская элегия XVIII—XIX веков в переводах поэтов пушкинской поры. М., 1989.
- Вацура В. Э. и др. 1994 — Примечания к текстам стихотворений // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 20 т. СПб., 1999. Т. I: Лицейские стихотворения. 1813—1817.
- Винокур Г. 1927 — Критика поэтического текста. М., 1927.
- Винокур Г. 1941 — Орфография и язык Пушкина в академическом издании его сочинений: (Ответ В. И. Чернышеву) // Пушкин: Временник Пушкин. комис. М.; Л., 1941. [Вып.] 6.
- Гаспаров М. Л. 1984 — Эволюция русской рифмы // Проблемы теории стиха. Л., 1984.
- Гришунин А. Л. 1998 — Исследовательские аспекты текстологии. М., 1998.
- Державин Н. 1920 — О языке и орфографии Пушкина // Книга и революция. 1920. № 6.
- ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Рукописный отдел (С.-Петербург).
- Кошутин Р. 1919 — Грамматика русского языка. I. Гласови. А. Општи део: (Књижевни изговори). Друго изд. Пг., 1919.
- Лефелдт В. 1998 — Модернизация текстов Пушкина и ее последствия: Критические замечания по пробному тому запланированного нового академического издания произведений А. С. Пушкина // Новое лит. обозрение. 1998. № 33.
- Лотман Ю. М. 1987 — К проблеме нового академического издания Пушкина // Пушкинские чтения в Тарту: Тез. докл. науч. конф. 13—14 нояб. 1987 г. Таллин, 1987.
- Обзор 1882 — Краткий обзор книжной торговли и издательской деятельности Глазуновых за сто лет. 1782—1882. С 5-ю гравир. портретами и 8-ю снимками с писем. СПб., 1882.

ведений, изданных при жизни писателя, для тех, что дошли до нас только в авторской рукописи, и для тех, что известны лишь по неисправным спискам. Однако осовременивания источников не должно быть ни в каком случае.

- Панфилов А. К. 1995 — Загадки текста, неправильно разгаданные // РЯШ. 1995. № 6.
- Пушкин А. 1824 — Бахчисарайский фонтан. М., 1824.
- Пушкин А. 1825—1832 — Евгений Онегин: Роман в стихах. СПб., 1825. [Гл. I]; М., 1826. [Гл. II]; СПб., 1827. Гл. III; 1828. Гл. IV/V, VI; 1830. Гл. VII; 1832. [Гл. VIII].
- Пушкин А. 1825а — Отрывки из *Евгения Онегина* // Северные Цветы на 1825 год. СПб., 1825.
- Пушкин А. 1827а — Письмо Татьяны: (Из 3-ей Песни Евгения Онегина) // Северные Цветы на 1827 год. СПб., 1827.
- Пушкин А. 1827б — Одесса: (Из седьмой главы *Евгения Онегина*) // Моск. Вестн. 1827. Ч. II. № VI.
- Пушкин А. 1828а — Москва // Моск. Вестн. 1828. Ч. VII. № I.
- Пушкин А. 1828б — Альбомы: (Из IVй гл. *Евгения Онегина*) // Моск. Вестн. 1828. Ч. VII. № II.
- Пушкин А. 1828в — Москва: (Из *Евгения Онегина*) // Сев. Пчела. 1828. 9 февр. № 17.
- Пушкин А. 1829а — Полтава: Поэма. СПб., 1829.
- Пушкин А. 1833 — Евгений Онегин: Роман в стихах. [2-е изд.] СПб., 1833.
- Пушкин А. 1837 — Евгений Онегин: Роман в стихах. 3-е изд. СПб., 1837.
- Пушкин 1926 — Письма / Под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского. М.; Л., 1926. Т. I: 1815—1825.
- Пушкин А. С. 1935а — Полное собрание сочинений: В 9 т. [М.,] 1935. Т. V: Евгений Онегин: Роман в стихах.
- Пушкин А. 1935б — Сочинения / Ред., биогр. очерк и примеч. Б. Томашевского; Вступ. ст. В. Десницкого. Л., 1935.
- Пушкин А. 1936а — Сочинения / Ред., биогр. очерк и примеч. Б. Томашевского; Вступ. ст. В. Десницкого. Л., 1936.
- Пушкин А. С. 1936б — Полное собрание сочинений: В 6 т. М.; Л., 1936. Т. III: Евгений Онегин; Драматич. произведения.
- Пушкин А. С. 1936в — Полное собрание сочинений: В 6 т. 4-е изд. М., 1936. Т. 3: Драмы; Евгений Онегин.
- Пушкин 1937 — Полное собрание сочинений. [М.; Л.,] 1937. Т. 1, 6.
- Рак В. Д. 1996 — Наблюдения над употреблением в текстах Пушкина окончаний "и" и "ъ" // Новые безделки: Сб. ст. к 60-летию В. Э. Вацура. М., 1996.
- Смирнов-Сокольский Н. 1962 — Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина... М., 1962.
- Сергеева Н. М. 1989 — В век жестокий или жестокой // Пушкин: проблемы творчества, текстологии, восприятия: Сб. науч. тр. Калинин, 1989.
- Сидяков Л. С. 1997 — К проблемам пушкинской текстологии: Из наблюдений над стихотворениями Пушкина 1830—1836 годов // Пушкин и другие: Сб. ст. к 60-летию проф. С. А. Фомичева. Новгород, 1997.
- СП — Словарь языка Пушкина: В 4 т. М., 1957. Т. II; 1961. Т. IV.
- Старк В. П. 1998 — Примечания научного редактора // Набоков В. Комментарий к роману А. С. Пушкина "Евгений Онегин" / Пер. с англ. М., 1998.
- Чернышев В. 1906 — Из истории русского правописания // ИОРЯС. 1906. Т. XI. Кн. 4.
- Чернышев В. И. 1941 — Замечания о языке и правописании А. С. Пушкина: (По поводу академич. издания) // Пушкин: Временник Пушкин. комис. М.; Л., 1941. [Вып.] 6.
- Шапир М. 1994 — Между грамматикой и поэтикой: (О новом подходе к изданию Даниила Хармса) // Вопр. лит. 1994. Вып. III.
- Pilshchikov I. A. 1994 — On Baratynsky's "French trifle": *The Elysian fields* and its context // Essays in poetics. 1994. Vol. 19. № 2.